

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ИСТОРИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ

А.И. Давыдов

Сибирский государственный
университет путей сообщения,
Новосибирск

Dove3@yandex.ru

В статье дается краткий обзор одного из вариантов альтернативной традиционному канону историографии. Описываются возможности данного подхода и его перспективы с точки зрения методологии исторической науки. Автор полагает, что историческая наука, как и любая, не ограничивается мейнстримом и развивается в значительной степени благодаря инновационным, часто маргинальным и междисциплинарным направлениям. Рассматриваются возможности новых методов исторического познания и «скрытые опасности» их применения. Альтернативная история «очеловечивает» традиционную историографию, дополняет, расширяет арсенал методов исследования. История «как если бы» акцентирует вариативность событий, «история повседневности» привлекает внимание к обыденной культуре, т. е. всему тому, что обычно остается за рамками творчества историка. Современный уровень преподавания гуманитарных предметов в контексте высшего образования предполагает применение всех инновационных методологических подходов, включая и междисциплинарные. Одним из направлений междисциплинарности является использование в исторической науке и преподавании истории данных психологии. Это неоднократно подчеркивается в статье со ссылкой на возможность практической реализации на конкретном материале в курсе преподавания истории в вузе.

Ключевые слова: психоистория, бифуркация, гештальт, альтернативная история, психоанализ.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-2.2-88-93

Историческая наука имеет дело с уже завершившимся прошлым, расположенными на шкале времени событиями, зафиксированными различными источниками. Прибегая к психологической метафоре, можно сказать – с полным и полностью завершенным гештальтом. Стало расхожим выражение «История не имеет сослагательного наклонения». Вместе с тем исторический процесс не телеологичен; например, не является совершившейся эманацией Бога, Абсолютной Идеи или естественным следствием всеобщего закона соответствия производительных сил производственным отношениям. Он также не происходит линейно и однонаправленно.

В своем развитии история человечества проходит через множество исторических развилок – точек бифуркации, состояний, когда возможна реализация многих альтернатив – сценариев дальнейшего исторического действия, когда временно устанавливается неустойчивое равновесие и все порой зависит от случайных, синюминутных факторов, связанных с реализацией свободы воли исторических субъектов (лидеров, партий, кланов, групп). Или, наоборот, история становится заложницей явлений непреодолимой силы – природной стихии (климатических изменений и геокатастроф). Кляно капризна и временами порождает ситуации, не объяснимые логи-

кой, и артефакты, ставящие ученых в тупик. В результате возникает почва для различных мистификаций и псевдонаучных версий вплоть до вмешательства космических пришельцев.

Ограничение исторического повествования только одной реализовавшейся альтернативой, что предписывается традиционной историографией, не позволяет учесть всего многообразия вероятностей развития и тем самым увидеть исторический факт со всех возможных точек зрения.

В диалектике случайного и закономерного традиционная историческая наука часто останавливается либо на первом, либо на втором, выводя закономерности из односторонне трактуемых экономических законов (что характерно для марксистской историографии) или из бессознательных комплексов исторических акторов (психоистория), или из характеристики ландшафтов (геополитические концепции). Подлинная история подменяется гегельянством в вульгаризаторской версии истмата или психоанализом в версии вульгаризированного фрейдизма. Возникает принципиальный разрыв между историческим познанием и естественно-научным, в котором учет вероятностей является одним из фундаментальных постулатов. История начинает писаться по заранее определенным лекалам. Здесь и создается благодатное поле для политизации и идеологизации историописания и дополнительный повод для упреков историков в ненаучности.

Первым этот внутренний изъян исторической науки увидел выдающийся английский историк А. Тойнби. В его многообразном и многотомном научном наследии в качестве пробы появляется краткий этюд о том, что было бы, если бы Филипп Македонский не был убит наемным убий-

цей. Как развивалась бы дальше история античности и всей европейской цивилизации? Именно Тойнби поставил вопрос о возможности истории «как если бы». Методологически это позволило ему взглянуть на совершившиеся факты под другим углом зрения, заставило усилить акцент на роли отдельной исторической личности. Примерно подобным же подходом руководствовался К. Ясперс при создании своей концепции «осевого времени». Экспериментировали с альтернативной историей российские исследователи В. Дьяконов, С. Смирнов и др. Кроме того, анализ несостоявшихся вариантов прошлого позволяет пристальнее взглянуть на вариативность будущего, усиливает прогностическую функцию исторической науки. Каждая ветвь человеческого древа уникальна, но тупиковые и засохшие ветки почти у всех культур одинаковы. История повторяется. Сравнение и анализ причин высыхания, застоя власти, стагнации экономики, деградации культуры позволяют точнее ставить исторический диагноз и предотвращать новые болезни цивилизации.

Если в качестве примера обратиться к конкретике отечественной истории, то с самых древних времен возникает множество сюжетов, в которых история «как если бы» была бы вполне уместна.

Как развивалась бы русская государственность, не попади Русь под монгольский удар в беспомощном феодально раздробленном состоянии, прими Русь крещение не по византийскому, а по латинскому образцу, начни «собираться» не вокруг Москвы, а вокруг Твери или тем более вокруг Великого княжества Литовского и Русского, предпосылки к чему имелись? Какой бы вектор развития возобладал бы: западный, европейский, или восточный, азиатский? Колебания исто-

рического маятника во многом определила плеяда способных, дальновидных, талантливых политиков – московских князей, потомков Александра Невского. Они сумели сделать правильный геополитический выбор, сыграть на противоречиях соседей – Литвы и Орды. До сих пор не разрешился давний спор западников и славянофилов, оценивавших деяния Петра Первого. На благо были его радикальные реформы или вылились в итоге во зло?

Новейшая, советская история дает еще больше сложных запутанных коллизий. Например, период двоевластия (весна–лето 1917 года). Почему в тогдашнем историческом пасьянсе – Керенский, Корнилов, Ленин – выиграл вождь большевиков? При тщательном рассмотрении всех обстоятельств это не выглядит абсолютно очевидным. Не менее спорна победа Сталина в идейно-политической борьбе 1920-х годов, имевшая судьбоносное значение для страны, или Хрущева в начале 1950-х. До сих пор историки спорят о случайности или закономерности развала СССР. Вышеупомянутый Тойнби писал, что историк, используя данный метод, рассматривает вначале все возможные варианты развития конкретного события, отсекая в первую очередь наименее вероятные в силу суммы сложившихся предпосылок. В результате остаются несколько из всего веера возможностей. И тогда он переходит к следствиям, обосновывая каждое из них. Часто становится ясным, что состоявшееся событие и было наиболее вероятным, но иногда выясняется, что оно явилось результатом случайности, драматического стечения обстоятельств. И в этом случае он считал полезным и поучительным рассмотреть иные возможности. Они и могут стать теми «уроками истории», о которых писали со времен Плиния

и Тацита. Даже великие полководцы часто недооценивают противника, диктаторы переоценивают прочность своего положения, а революционеры, наоборот, считают его слишком шатким. В итоге многие поражения и революции воспринимаются как гром среди ясного неба, являясь лишь следствиями неверных предположений и опшибок человеческого разума.

Однако альтернативная история таит в себе возможности искажения и произвольного толкования фактов. В этом случае историография превращается в некую паранауку. Доказательство тому – фантазии Фоменко, Носовского и их последователей. Не тратя времени на критику их сомнительных «новаций», хочется заметить, что магистралью исторического исследования все же остается сравнительно-исторический метод при тщательном анализе источников. В противном случае недалеко и до прямой фальсификации, как у Суворова (в напумевшем «Ледоколе»). Гарантией того, что грань между наукой и ее профанацией не будет перейдена, являются профессионализм, талант и научная интуиция историка.

Еще одна опора историка, взявшегося за альтернативные версии, – междисциплинарный подход. Со второй половины двадцатого века одной из кардинальных тенденций развития науки становятся междисциплинарные исследования. На стыках разных научных дисциплин рождаются новые открытия и часто новые науки. На смежных исследовательских полях происходит своеобразное «перекрестное опыление» в области как естественно-научного, так и гуманитарного знания.

В новейшей зарубежной и российской историографии сейчас является общепризнанным утверждение необходимости меж-

дисциплинарного подхода к интерпретации исторических фактов. Очевидна невозможность достаточно полного и точного понимания исторических процессов без адекватного знания законов человеческого поведения, сформулированных в числе прочих и психологической наукой. Это требует включения в сферу исторического анализа содержания человеческой психики на всех ее уровнях, изучения психологии действующего в истории человека: мотивов, установок, стереотипов как отдельных индивидов, так и общественных групп. «Исследование ментальностей, социально-психологических установок общества и образующих его групп представляет собой задачу первостепенной важности для гуманитарного знания. Здесь нащупывается богатейший пласт коллективных представлений, верований, имплицитных ценностей, традиций, практических действий и моделей поведения, на котором вырастают и над которым надстраиваются все рациональные осмысленные идеологические системы. Без учета этого слоя общественного сознания нельзя понять ни содержания и реального воздействия идей на человеческие умы, ни поведения людей, группового или индивидуального» [1]. Методологические аспекты исторической психологии разрабатываются в книгах и статьях И.Г. Белявского, А.Я. Гуревича, Б.Г. Могильницкого, Е.Б. Шестопаля, В.А. Шкуратова и др. Интересны появившиеся в конце прошлого века исследования Э. Самойлова «Фюреры. Общая теория фашизма», М. Буянова «Тяжелые люди», В. Кайтукова «Эволюция диктата: Опыт психопсихологии истории». Однако все богатство возможностей лучшего постижения истории, предоставляемое историко-психологическим подходом, если судить по опубликованным

за последнее время сборникам текстов лекций, учебникам, методическим пособиям, используется в вузах недостаточно [2]. Это касается в равной степени курсов истории, политологии, культурологии, особенно в технических учебных заведениях, в которых недостаточность учебного времени на гуманитарные дисциплины требует иных подходов к их преподаванию. В сфере профессионального образования продолжает господствовать фундаменталистская методология. Каждая научная дисциплина в процессе ее преподавания ограждается от других жесткими ортодоксальными рамками и критериями. На взгляд автора, особенно пагубно это сказывается в области гуманитарного познания. В истории, в частности, недостаточно поместить некий факт в сетку хронологии, важно увидеть мотивацию его творцов и его взаимосвязь с другими по шкале причинности.

Коль скоро история «как если бы» заостряет субъективный фактор, т. е. очеловечивает историческое повествование, то логично использовать методы других гуманитарных наук, прежде всего психологии. Но дозированно, как лекарство, не допуская поглощения последней собственно исторического знания. Иначе, как у Э. Фромма в книге «Анатомия человеческой деструктивности», можно свести историю возникновения и утверждения в Германии нацизма к комплексу «некрофилии» А. Гитлера. Хотя тот же Фромм в другой своей работе «Бегство от свободы» дает блестящий анализ роли факторов массовой психологии в формировании нацизма. Французская историческая школа «Анналов», представленная громкими именами Ф. Арьеса, Ф. Броделя, М. Блока, Л. Февра, не связанная догмами классического психоанализа, — еще более показательный пример перспек-

тивности междисциплинарного подхода. Он позволил французским ученым создать принципиально новое направление в историографии – историю повседневности. Обыденное сознание, быт, культура, характерный для определенной эпохи и социальной страты менталитет – часто именно те необходимые условия, которые и определяют, по какому направлению пойдет развитие в точке бифуркации. В научный оборот историков прочно вошли новые понятия: «социальный характер» Э. Фромма, «ментальность» Л. Леви-Брюля, «архетипы» К.Г. Юнга, «психологическая атмосфера эпохи» Й. Хейзинги, «пассионарность» Л.Н. Гумилева. Но также история из истории войн и царствований превращается в историю народов.

Было уже сказано, что человечество, несмотря на все свое технологическое могущество, остается детищем биосферы, частью природы и во многом зависит от нее даже сейчас, после промышленных и научных революций, не говоря о доиндустриальной эпохе. Социально-политическая и социально-экономическая история здесь граничит с географией. Долгое время это обстоятельство учитывалось только этнологией и палеоантропологией.

Все изменили труды Б. Поршнев и Л. Гумилева, показавших взаимовлияние человеческих цивилизаций и геоклиматических и биологических условий. К тому же Л.Н. Гумилев во многих своих работах

не чурался анализа альтернатив. Он пишет о том, что так называемое «великое переселение народов» I–IX веков, изменившее весь ход истории Евразии, включая гибель нескольких империй, было вызвано изменением климата. Современные исследования ранних обществ Южной и Центральной Америки показывают, как разрушение окружающей среды может уничтожить цивилизацию. Гибель локальных культур майя или жителей Рапануи (о. Пасхи) может служить уроком и современному глобальному человеческому сообществу, рьяно уничтожающему природу [3]. Во всяком случае, кажется очевидным, что сокращение разрыва между естественно-научным и гуманитарным познанием (дискуссия о различиях, о «ненаучности» истории идет уже два столетия), а также дальнейшее инновационное развитие историографии лежит в плоскости использования новых методов познания, таких как «социетальная история», историческая психология и история «как если бы».

Литература

1. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». – М.: Наука, 1993. – 262 с.
2. Давыдов А.И. Историческая психология в учебном курсе истории России. – Новосибирск: Изд-во СГУПС, 1999. – 43 с.
3. Даймонд Д. Коллапс: почему одни общества выживают, а другие умирают: пер. с англ. – М.: АСТ, 2008. – 762 с.

ALTERNATIVE HISTORY: METHODOLOGICAL OPPORTUNITIES

A.I. Davydov

Siberian Transport University

Dove3@yandex.ru

The article provides a brief overview of one option of the alternative to the traditional canon of historiography. The opportunities of this approach and its prospects in terms of the methodology of historical science are described in the article. The author believes that history as a science does not limit itself to the mainstream but it has been largely developed due to innovative, often marginalized and interdisciplinary areas. The opportunities of new methods of historical knowledge and the “hidden dangers” of their application are considered in the article. The alternative history “humanizes” the traditional historiography, complements and extends the arsenal of methods. The history of “as if” emphasizes the variability of events; “the story of everyday life” draws attention to the everyday culture, i.e., all that usually remains outside creativity of a historian. The present level of teaching the humanities in the context of higher education involves the use of innovative methodological approaches, including interdisciplinary ones. There is a trend to use interdisciplinarity in historical education and teaching history the data of psychology. This idea has been emphasized in the article referring to the possibility of the practical realization of concrete material in the course of history teaching in high school.

Keywords: Psychohistory, bifurcation, Gestalt, alternative history, psychoanalysis.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-2.2-88-93

References

1. Gurevich A.Y. *Istoricheskij sintez i shkola «Annalov»* [Historical synthesis and School “Annals”]. Moscow: Nauka Publ., 1993. 365 p.

2. Davydov A.I. *Istoricheskaya psihologiya v ucheb-
nom kurse istorii Rossii* [Historical psychology in the

training course of Russian history]. Novosibirsk, 1999. 43 p.

3. Diamond D. *Kollaps: pochemu odni obshchestva
vzrabinayut, a drugie umirayut* [Collapse: How Societies
Choose to Fail or Succeed]. Moscow: AST Publ.,
2008. 762 p.